несомнѣнный характеръ языческій. Насъ не должны вводить въ заблужденіе кресты, иногда вѣнчающіе подобныя зданія (наприм. въ №№ 129, 194 и 214): это явныя придѣлки позднѣйшія, такъ какъ въ пользу первоначально языческаго ихъ рисунка (вѣроятно въ видѣ цвѣтка, см. средній куполъ въ № 129) свидѣтельствуютъ не только сцены языческихъ обрядовъ, внутри ихъ представленныя (№№ 194 и 214), но и прочія архитектурныя формы, сильно напоминающія формы архитектуры Буддійской, какъ въ дѣйствительности (*Fergusson*, Handbook of architecture, 2-d ed., Fig. 35, 41, 61, 62, 63, 70 etc.; *Symes*, Embassy to Ava, p. 388, 412, 424; *Crawford*, Embacy to Ava, p. 228, 313; *Tennent*, Ceylon, II, p. 577, 596), такъ и на Буддійскихъ рисункахъ (наприм. на многихъ изображеніяхъ «пяты Будды»): мы особенное вниманіе обращаемъ, при этомъ, на тѣ большіе орнаменты, наподобіе роговъ или закорючинъ, которые возвышаются по сторонамъ зданія, выходя изъ его стѣнъ (№№ 111, 128, 194), на огромные шарообразные купола (№№ 111, 128) и почти всегда громадно высокій цоколь.

Приведенные нами факты и сравненія доказываютъ, мы надѣемся, довольно наглядно, что въ нашихъ вышитыхъ узорахъ замѣтно немало разнообразныхъ чужеземныхъ вліяній: финнскихъ, персидскихъ и отчасти Буддійскихъ. Въ существованіи этихъ вліяній нельзя сомнѣваться, потому что, съ одной стороны, у насъ на узорахъ изображены то предметы, вовсе не существовавшіе у великоруссовъ (языческіе храмы азіятской архитектуры, алтари, львы, павлины и т. д.), то фигуры и предметы завѣдомо азіятскаго происхожденія, не имѣвшіе и не имѣющіе у насъ никакого значенія (доброжелательные знаки), то такія комбинаціи, которыя были въ величайшемъ ходу у разныхъ народонаселеній задолго до основанія Русскаго государства (птицы, звѣри и люди парами по сторонамъ священнаго дерева); съ другой же стороны, тутъ вовсе нѣтъ тѣхъ предметовъ, которые бы свидѣтельствовали о мѣстности, природѣ и жизни великорусской, сѣверной: нѣтъ тутъ ничего зимняго: всюду чувствуется лѣто и жаркій поясъ, нѣтъ русскихъ сѣверныхъ звѣрей, подобно тому, какъ въ «пермскихъ древностяхъ» мы встрѣчаемъ изображеніе дѣйствительно мѣстныхъ и народныхъ, медвѣдя, лисицы, кабана и т. д.); нѣтъ нашихъ зимнихъ божествъ, нѣтъ нашихъ зимнихъ религіозныхъ праздниковъ: напротивъ, всюду, только праздники весенніе и лѣтніе, вокругъ цвѣтущихъ деревьевъ.

Незамѣтно также, чтобъ къ многочисленнымъ заимствованіямъ и копіямъ великоруссы прибавили какіе-нибудь свои собственные, самостоятельные, вновь созданные элементы и изображенія. Напротивъ, мы вездѣ замѣчаемъ только работу сокращенія, упрощенія—начиная съ самыхъ *матеріаловъ вышиванія* (одна красная бумага и синія нитки, вмѣсто многообразія и богатства шелковъ и шерстей, которыми вышиваютъ финны и персы). Сверхъ того, работа грубаго искаженія и постепеннаго затерянія первоначальныхъ мотивовъ заходила порой такъ далеко, что иногда трудно ихъ отгадать (см. №№ 60—61, рядъ двуглавыхъ птицъ, которыхъ головы отнесены въ отдѣльную верхнюю полосу; 122—первоначально женскія фигуры; 152—первоначально двуглавыя птицы; 181 и 182—первоначально женскія фигуры).

Тѣмъ не менѣе, издревле употребляемыя у насъ національныя одежды (№№ 155, 160 *a*, 167 и проч.), представленіе многихъ мотивовъ изъ славянской религіи, наконецъ употребленіе, въ теченіе долгихъ столѣтій всѣмъ русскимъ народомъ, этихъ узоровъ — придаютъ имъ значеніе чего-то дѣйствительно національнаго.

Опредѣлить, какіе именно узоры свойственны такимъ или

pect indubitablement idolâtre. Nous ne devons pas être induits en erreur par les croix qui surmontent quelquefois ces édifices (voyez les №№ 129, 194, 214): ce sont évidemment des figures rapportées à des époques postérieures, car en faveur du dessin primitivement payen (probablement une fleur, voyez la coupole centrale dans notre dessin № 129) témoignent non seulement les scènes de cérémonies religieuses, représentées dans leur intérieur (№№ 194 et 214), mais encore les autres formes de l'architecture bouddhique, que nons trouvons tant dans la réalité (*Fergusson*, Handbook of architecture, 2-d ed., Fig. 35, 41, 61, 62, 63, 70 etc.; *Symes*, Embassy to Ava, p. 388, 412, 424; *Crawford*, Embacy to Ava, p. 228, 313; *Tennent*, Ceylon, II, 577, 596), que dans les dessins bouddhiques (par ex. dans ceux fréquemment usités de la «plante du pied de Bouddha»): nous fixons ici tout particulièrement l'attention sur ces ornements énormes, en forme de cornes ou de figures crochues, qui s'élèvent des deux côtés de l'édifice, sortant de ses flancs (№№ 111, 128, 194), sur les énormes coupoles sphériques (№№ 111, 128), et sur les soubassements ordinairement très élevés.

Les faits que nous avons détaillés et les comparaisons auxquelles ils donnent lieu, prouvent, nous l'espérons, d'une manière assez ostensible, que nos dessins brodés offrent de nombreuses preuves d'influence étrangère: finnoise, persane et en partie bouddhique. Il est impossible de douter de ces influence, parce que d'un part, nos broderies contiennent tantôt des objets qui n'ont jamais existé chez les Grands-Russes (temples payens d'architecture asiatique, autels, lions, paons, etc.), tantôt des figures et des objets de provenance indubitablement asiatique, n'ayant chez nous aucune signification (signes de bon augure), tantôt des combinaisons qui ont été en vogue ches différentes nationalités bien avant la fondation de l'état russe (oiseaux, quadrupèdes, figures humaines, postés par paires, des deux côtés d'un arbre); d'un autre côté, il y a ici absence complète d'objets qui auraient témoigné d'une localité, d'une nature et d'une vie propres à la Grande-Russie et au nord: il n'y a rien ici qui se rapporte à notre hiver, on sent partout la présence de l'été et d'une région chaude, poins d'animaux russes, septentrionaux (tels que nous en voyons dans les «antiquités de Perm», réellement locales et nationales: ours, renard, sanglier etc.); point de nos divinités hibernales, point de nos fêtes religieuses appartenant à l'époque de l'hiver: tout au contraire, partout seulement des représentations de fêtes de printemps et d'été, autour d'arbres fleuris.

De même, nous ne voyons pas que les Grands-Russes aient ajouté à leurs emprunts et à leurs copies nombreuses—des éléments, des représentations originales, nouvellement créés par eux mêmes. Tout au contraire, nous n'appercevons partout qu'un travail de raccourcissement, de simplification—à partir des *matériaux mêmes de la broderie* (coton rouge et fils bleus en remplacement de la variété et de la richesse des soies et des laines, dont se servent les finnois et les persans). En outre, le travail de déformation grossière et de perte progressive des motifs premiers s'est étendu quelquefois jusqu'au point de nuire à l'intelligence de ces motifs (c'est ainsi que, par exemple, dans nos №№ 60—61, nous avons des oiseaux à deux têtes, celles-ci étant reportées à une bande distincte, celle d'en haut; dans le № 122—des figures primitivement de femme; dans le № 152—une figure primitivement d'oiseau à deux têtes; dans les №№ 181 et 182—des figures primitivement de femmes.

Néanmoins, les costumes nationaux, ceux qui datent ches nous de temps extrêmement anciens (№№ 155, 160 *a*, 167 etc.), la représentation de plusieurs motifs du culte des slaves, enfin l'emploi de ces broderies et dessins par toute la nation russe pendant de longs siècles—tout cela réuni leur imprime un cachet véritablement national.

Déterminer, quels sont les dessins appartenant en propre à

SLUB
Wir führen Wissen.
http://digital.slub-dresden.de/id446223166/25
Westsächsische Hochschule Zwickau
Hochschulbibliothek